

«Деревенская» тема в лирике С. Орлова 1960—1970-х годов

Сергей Орлов известен прежде всего как автор проникновенных стихотворений и повм о войне. «Фронтовая» тема, бесспорно, основная в его творчестве, однако и произведения военных лет, и стихи, написанные в послевоенные годы, «почти всегда отличались масштабностью поэтической мысли и чувства... это не лишало их реалистической конкретности, трезвости взгляда, земной почвы». (307, с. 65). Еще в 1945 году в родном Белозерске демобилизованный после тяжелого ранения Орлов создал поэтический цикл, главенствующим мотивом которого стал традиционный в русской лирике мотив возвращения (стихотворения «Деревня Гора», «Облако за месяц зацепилось...», «Осень», «Светлый Север, лес дремучий...» и др.). Но провинциальную деревенскую Россию поэт видел пока в свете блоковской лирики:

*Ой вы, дороги верстовые
И деревеньки по холмам!
Не ты ли это, мать Россия,
Глядишь вослед своим сынам?..*
(«Осень»)

В сборнике «Городок» (1953) продолжал звучать мотив возвращения, но уже без подражания А. Блоку, — Орлов шел самостоятельным путем, стремился к поэтическому реализму, работая в редком жанре стихотворного очерка (стихотворения «У себя дома», «Гудок над пристанью вечерней...», «Болото, да лес, да озеро...» и др.). Этот сборник по праву занял свое, особое место в ряду послевоенных поэтических книг о деревне, в этом смысле он сравним с прозаическим произведением того времени — «Районными буднями» В. Овечкина.

В последующие десятилетия Сергей Орлов, при всем жанрово-тематическом разнообразии своего творчества, вдохновение искал в любви к родной земле, понимая, что любовь к земле — «традиция, поэтические корни которой теряются в дымке исторических далей». (117, т. 2, с. 207). От обычной пейзажной лирики (стихотворения 1961 года: «Пейзаж», «Бывает так: уже пришла весна...», «Весна» и т. п.) он шел к лирическому постижению истории России («Сказы о Дионисии», 1962), к постижению ее масштабных философских открытий, устремленных в космос:

На десять тысяч верст — Россия,
Деревни, реки и леса,
Пройди по ним сейчас, спроси их
И вслушайся в их голоса.

Смолчат или ответят сказкой,
А в ней звучит своя тоска —
Планеты, звезды, месяц ясный.
О, как дорога далека...

«Слово о Циолковском», 1962

«Я до сих пор твой сын, деревня...», — признавался поэт, и хотя она была потеряна в смутах XX века («Моей деревни больше нету...»), поэзию он нашел в своем краю:

В своем краю, за речкою, не за морем
Она мелькнула вдруг грузовиком,
Плеснула песней, так, что сердце замерло
И опалило душу холодком.

«И я ее искал, по свету ездил я...»

Во второй половине 60-х — первой половине 70-х годов С. Орлов уже не мог не учитывать новых поэтических тенденций, особенно опыта «тихой лирики», выступавшей против разрушения деревенского лада:

Вы слышите, строители веков,
В местах, ничем другим не знаменитых,
Вечернее мычание коров —
Деревни нашей древнюю молитву?

«Вечернее мычание коров...», 1967

Большинство стихотворений этого периода написаны в жанре элегии («Летят на юг под небом птицы...», «Как будто древних царств реликт...», «Прощание с летом» и др.). Эти элегии и стали основой последнего прижизненного поэтического сборника С. Орлова «Белое озеро» (1975). Центральное стихотворение сборника «Мне нынче снится край родной ночами...» (1975) символично, множество значений можно выделить из его подтекста: и итог жизни поэта, и огромная трагедия, постигшая деревенскую (и не только деревенскую) Россию, и философский итог, и т. д... Речь в нем идет о затопленной водами одного из бесчисленных гигантских водохранилищ деревеньке Мегра — родине лирика. Обращает на себя внимание и мифологический прием создания символической ситуа-

ции: лирический герой во сне возвращается в исчезнувшую деревню, а ведь еще в мировой мифологии считалось, что душа спящего человека покидает тело и посещает родные места. Те же древние истоки — в символической картине стихотворения: затопленная водой земля означала забвение, а в русском фольклоре символизировала собой горе, печаль:

*Мне нынче снится край родной ночью,
Воды большие светлы, и по ней
Я все плыву в веселье и в печали,
Как в дни далекой юности моей.*

*Я все плыву на родину и вижу,
Как изменилась там земля сама.
В воде высокий тонет берег рыжий,
И странные там люди и дома.*

*Вхожу в дома я, словно в отраженья
В воде зеркальной, преломившей свет.
Я помню все там с моего рожденья,
Все узнаю, и ничего там нет...*

Может быть, С. Орлов подошел здесь и к религиозной символике (вода — один из символов христианства), но, скорее всего, это произошло интуитивно, не без влияния литературных ассоциаций.

«В лирике С. Орлова, — пишет Е. Бень, — образ земли присутствует чуть ли ни в трети стихотворений». (453, с. 65). По частоте употребления с ним может соперничать только образ неба. Притяжение земли и стремление к небу — две важнейшие составляющие его поэтического мира. «...У каждого истинного поэта своя «почва», своя земля, свое небо, из которых они создают стихи», — считал сам Орлов (117, т. 2, с. 194). Хрестоматийное стихотворение «Его зарыли в шар земной...» (1944) — яркое подтверждение его слов. «Космический размах мысли поэта («миллион веков», «Млечные Пути»), — отмечает В. Зайцев, — не противостоит земной конкретности образа павшего воина...» (307, с. 67). Следует добавить, что у Орлова «шар земной» — это одновременно и земля людей, и космическое тело. В бинарной оппозиции «земля — небо» эти понятия сблизилась, стали зависимыми друг от друга, но не равноправными. Эта мировоззренческая вертикаль и в фольклоре, и в Библии, и в «Философии общего дела» Н. Федорова, и в трудах К. Циолковского, которыми так был увлечен С. Орлов, приобретает символический смысл только в сопряжении образов земли и не-

ба. В древности человек поднимал глаза и руки к небу, надеясь на помощь сверхчеловеческих сил. Христос своим рождением на Земле и вознесением на Небо придал человеческой жизни божественный смысл. И даже в такой сугубо материалистической мечте человечества, как полет к звездам, поиск «братьев по разуму», легко заметить стремление к бессмертию (поиск потерянного рая) — центральный религиозный (и религиозно-философский, а значит, и поэтический) мотив. «Не может разум согласиться На одиночество Земли», — писал С. Орлов (117, т. 2, с. 54). В бинарной оппозиции «земля — небо» присутствуют и эсхатологические мотивы: частный — душа умершего человека покидает землю, а тело в ней остается, — и всеобщий: конец земной истории, Страшный Суд. Жесткая связь этих двух оппозиций предполагается и в дальнейшем: воскрешение в новых телах праведников, рай (утверждение неба) на новой Земле, и ад, «тьма внешняя» (по отношению к «небесной» земле) для грешников. Без сомнения, в лирике С. Орлова небесная слава имеет вполне зримые земные приметы, и элегическое настроение в его последнем стихотворении «Земля летит, зеленая, навстречу...» точно расставляет ее важнейшие эτικο-эстетические акценты:

*Прости, земля, что я тебя покину,
Не по своей, так по чужой вине,
И не увижу никогда рябину
Ни наяву, ни в непроглядном сне...*